

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788025020087

Кодирование контекстов с экспериентивной семантикой в переводе Нового Завета на иронский диалект осетинского (в сопоставлении со славянскими языками)

© 2025 г. А. Д. Подгорная

Специалист по учебно-методической работе
кафедры теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
podganastas@gmail.com

Резюме. Экспериентивная семантика заключается в сообщении о том, что событие имело место по крайней мере один раз и участие в нем дает возможность приписать определенные свойства носителю опыта. Данное значение активно обсуждается в исследованиях по славистике в связи с использованием глаголов несовершенного вида в экспериентивных контекстах в восточнославянских и болгарском языках, однако его кодирование в осетинском, имеющем аспектуальную систему «славянского типа», ранее не рассматривалось. В статье представлен анализ употребления перфективных и имперфективных глагольных форм в 59 контекстах с экспериентивной семантикой в переводе Нового Завета 2004 г. на иронский диалект осетинского языка. Данные контексты были выделены на основе их кодирования в выборке из восьми языков в рамках создания базы данных типологически релевантных грамматических контекстов: в них скорее ожидается использование средства, маркирующего экспериентивную семантику. В осетинском переводе в 38 случаях оказываются употреблены перфективные глаголы, а в 20 – имперфективные (один контекст перестроен), что соответствует 50 употреблениям имперфективных лексем в русском Синодальном переводе. Мы показываем, что выбор глагольной формы в осетинском зависит от акционального класса глагола: для обозначения достижений выбираются перфективные глаголы, для описания деятельности и состояний – имперфективные, в то время как свершения допускают как перфективные, так и имперфективные глаголы. Такое распределение находит параллель в западнославянских и ряде южнославянских языков, в которых выбор вида в таких «периферийных» аспектуальных контекстах, как экспериентивные, также определяется акциональными характеристиками глагола, а не контекстной семантикой, как, например, в русском.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

Ключевые слова: аспект, аспект славянского стиля, осетинский язык, славянские языки, параллельный корпус, экспериентив

Для цитирования: Подгорная А.Д. Кодирование контекстов с экспериентивной семантикой в переводе Нового Завета на иронский диалект осетинского (в сопоставлении со славянскими языками) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. Т. 84. № 2. С. 93–100. DOI: 10.31857/S1605788025020087

Coding of Contexts with Experiential Semantics in the Iron Ossetic Translation of the New Testament (in Comparison with Slavic Languages)

© 2025 Anastasia D. Podgornaia

Education Specialist at the Department of Theoretical and Applied Linguistics,

Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
podganastas@gmail.com

Abstract. Experiential semantics indicates that a given situation occurred at least once and its participant, or the subject of experience, has acquired certain qualities due to participating in it. This meaning figured prominently in studies on Slavic languages due to the peculiar use of imperfective forms in experiential contexts exhibited by East Slavic and Bulgarian. However, the marking of such contexts in Ossetic, which is described as a language with Slavic-style aspect, has not been discussed yet. In this paper, I analyze the usage of perfective and imperfective verb forms in 59 contexts with experiential semantics in the 2004 Iron Ossetic translation of the New Testament. They were extracted based on their coding in eight languages as a part of the project devoted to creating a database of typologically relevant grammatical contexts: they are expected to feature the means of experiential marking, if a language has one. The Ossetic translation turned out to use perfective verbs in 38 cases and imperfective verbs in 20 clauses (one context is changed). This can be compared to 50 uses of imperfective verbs in Russian Synodal Translation. I show that the choice of aspectual forms in Ossetic depends on the actional class of the verb: achievement verbs are perfective, activities and states are expressed by imperfective forms, and accomplishments combine with both types. Such distribution is close to that described for West Slavic and some South Slavic languages, in which the choice of aspect in such “peripheral” aspectual contexts as experiential ones is determined by the actional characteristics of the verb rather than contextual semantics, as, for example, in Russian.

Acknowledgements. This research is supported by Russian Science Foundation, project No. 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

Keywords: aspect, aspect of Slavic style, Ironic Ossetian, Slavic languages, parallel corpus, experiential aspect

For citation: Podgornaia, A.D. *Kodirovanie kontekstov s eksperientivnoj semantikoj v perevode Novogo Zaveta na ironskij dialekt osetinskogo (v sopostavlenii so slavyanskimi yazykami)* [Coding of Contexts with Experiential Semantics in the Iron Ossetic Translation of the New Testament (in Comparison with Slavic Languages)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2025, Vol. 84, No. 2, pp. 93–100. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788025020087

Экспериментальное значение является одним из периферийных аспектуальных значений и во многих языках выражается неспециализированными средствами [1]. Многие работы обсуждают его в ряду значений перфекта английского, испанского и других языков, см. о статусе экспериментального как межъязыкового категориального типа и его взаимоотношениях с перфектом в [2, с. 139–144]. В некоторых славянских языках функцию выражения экспериментального значения выполняют глаголы несовершенного вида. Так, в русском употреблении глагола НСВ *находить*, в отличие от его коррелята СВ *найти*, в предложении *Я на-ходил в этом лесу рыжики* [3, с. 43] передает, что данная ситуация имела место по крайней мере раз и говорящий отмечает свой опыт участия в нем, ср. определение в [1, с. 42]. Похожую интерпретацию имеют контексты с НСВ в болгарском, ср. *Някъде сме се срещали* ‘Мы с вами где-то **встречались**’, где актуальность приобретенного в ходе участия в ситуации опыта определяет использование перфектной формы глагола НСВ [4, с. 124].

В традиции славянской аспектологии экспериментальное значение рассматривается как подтип

«общефактического» значения глаголов НСВ, обозначающего о событии как простом факте, не сочетающегося с точной временной локализацией и предполагающего дефокусирование результата [3, с. 32 и сл.]; [5, с. 180]. К примеру, говоря *Я читал эту книгу*, можно подразумевать как незавершенное действие (‘читал, но не дочитал’), так и достигшее предела (‘прочитал’)¹. Экспериментальное значение в качестве подтипа общефактического значения НСВ и в типологической перспективе следует отличать от экзистенциального, не включающего компонент характеристики носителя опыта и допускающего ограничение временного интервала, ср. приведенный выше пример в качестве ответа на вопрос *Что ты делал вчера?*, см. подробнее [1, с. 47–49]. Эта и другие разновидности имеют особенности выражения и в данной работе не рассматриваются.

¹ Во многих работах считается, что общефактическое значение характерно только для предельных глаголов, в других такие употребления непредельных глаголов выделяются в особый тип, ср. [3, с. 19–20]; [6, с. 124]. Зафиксированные в языках мира экспериментальные стратегии не демонстрируют ограничений на предельность глагола, поэтому далее мы рассматриваем все классы.

В [7, с. 97 и сл.]; [8, с. 100 и сл.] отмечается, что при четкой противопоставленности видов в «центральных» контекстах, мотивированной базовым значением глагола (актуально-длительное настоящее время для НСВ, перфективное прошедшее для СВ), в «периферийных» контекстах на акциональное значение накладываются дополнительные аспектуальные особенности контекста, что в славянских языках решается в пользу выбора различных видовых форм. Так, экспериментальная семантика в восточнославянских языках, а также болгарском, определяет использование глаголов НСВ, в то время как в польском, чешском, сербском, хорватском, македонском выбор зависит от акционального класса глагола: в таких контекстах употребляются только глаголы СВ, обозначающие достижения (в терминах акциональных классов в классификации З. Вендлера [9], например, 'найти'), глаголы СВ или НСВ, описывающие свершения ('читать', 'прочитать'), и глаголы НСВ из классов деятельности ('гулять') и состояний ('жить'), см. [5]; [10, с. 95–125]; [11, с. 73–75]; [12, с. 456–458]; [13, с. 144–145]; [14]; [15] и др. Так, эквиваленты приведенного выше предложения с глаголом, обозначающим достижение, *Мы с вами встречались* в польском, чешском и словацком могут включать только формы СВ (пол. *spotkaliśmy się*, чеш. *setkali jsme se*, слов. *stretli sme sa*) [11, с. 74]. Выбор вида глаголов-свершений зависит от контекста: например, в чешском при наличии выражений, указывающих на достижение предела, используются только глаголы СВ, ср. *Přečetl / *četl jsi někdy vůbec tu celou knihu?* 'Ты когда-нибудь дочитывал эту книгу до конца?' с глаголом *přečíst* 'прочитать' [10, с. 117]; [14, с. 37], в то время как при нерелевантности результата глаголы НСВ оказываются даже более предпочтительны [15].

Данные различия имеют последствия для интерпретации видовой оппозиции. В работах С. Дики [10]; [16] аргументируется разделение славянских языков на «восточную» и «западную» группу: языки, входящие в первую, демонстрируют широкий набор употреблений НСВ, объединенных идеей неопределенности временной локализации (*temporal indefiniteness*), в то время как в «западной» группе вид теснее связан с акциональным классом глагола, так что для выбора между СВ и НСВ экспериментальность, хабикулярность или другие особенности контекста менее релевантны, чем «целостность» микроситуации (*totality*). «Восточная» группа характеризуется большей степенью грамматикализации вида за счет меньшей зависимости от свойств конкретной лексики [10, с. 283–287]; [16].

При наличии обширной литературы, посвященной проблеме выражения общефактического, в частности экспериментального, значения в славянских языках, возможности использования подобных противопоставлений в языках со сходным устройством аспектуальной системы подробно не рассматривались. Представляется, что накопленные славистикой наблюдения могут быть полезны в том числе для изучения такого языка с «аспектом славянского стиля», как осетинский. Подобно славянским, он имеет аспектуальную систему словоклассифицирующего типа, основанную на механизме перфективизирующей префиксации [8]; [17]. Глагольные лексемы в осетинском разбиваются на два класса: имперфективные и перфективные. Вторые образуются от имперфективных приставочным способом или являются непроизводными, как в случае *æгъын* 'сказать' и (на синхронном уровне) *раттын* 'дать'. Осетинские приставки вносят различные лексические и аспектуальные компоненты. Так приставка *a-* имеет значение 'наружу от наблюдателя' при глаголе движения *тæхын* 'лететь' — *атæхын* 'улететь, полететь' и оформляет делимитативный дериват глагола состояния *цæрын* 'жить' — *ацæрын* 'пожить'. Семантика приставок, особенности образования и видо-временные интерпретации осетинских глаголов описываются в [18, с. 100–104]; [19, с. 235–248]; [20]; [21, с. 73–78]; [22] и мн. др. Другим сходством между осетинским и славянскими языками считается наличие механизма «вторичной имперфективации» с помощью *-цæй-* [20], однако, как показано в [22, с. 61], такие дериваты совместимы и с перфективной интерпретацией и скорее предполагают недостижение предела, т.е. имеют конативное значение.

В работах особенности осетинской аспектуальной системы выявляются в основном в сопоставлении с грузинской и русской [21]; [22]; [23]; [24]; [25]. В [22] отмечается, что при значительном сходстве русской и осетинской аспектуальных систем они обнаруживают принципиальные различия. Так, по предположению автора, результирующее состояние в русском вводится приставкой, а в осетинском содержится в значении глагольной основы, что проявляется в осетинском в образовании результиativa от бесприставочных глаголов, в отличие от русского. Рассмотрение осетинского в более широкой ареальной перспективе позволяет заключить, что он по большому набору морфосинтаксических и функциональных признаков глагольной системы значительно отличается как от картвельских, так и от славянских языков [8, с. 191].

Кодирование экспериентивных контекстов в осетинском языке в доступной нам литературе почти не обсуждается. В [25, с. 74] упоминается наличие «общефактического» значения (скорее его экзистенциального подтипа в определенном выше смысле) у дериватов с приставкой *фæ-*, например у глагола *фæлæууын* ‘постоять, простоять’. В. Томеллери в [24, с. 80–81], сопоставляя аспектуальные системы русского, грузинского и осетинского языков, при обсуждении «прагматических» употреблений глаголов, в том числе экспериентивного в русском, отмечает, что осетинскому выражение таких значений не свойственно, однако в [21, с. 99] признает, что они могут быть просто недостаточно описаны, так как существующие работы в основном обсуждают морфологические и семантические особенности осетинской аспектуальной системы.

В данной статье мы рассмотрим употребление перфективных и имперфективных глаголов в контекстах с экспериентивной семантикой в опубликованных в 2004 г. Российским Библийским Обществом переводах пяти книг Нового Завета на иронский диалект осетинского языка²: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.) и Деяния святых апостолов (Деян.). Учитывая большую зависимость выражения экспериентивного значения от контекстной поддержки (см. о месте экспериентивных предложений в структуре дискурса [26]), мы опираемся на выборку из 59 контекстов, в которых скорее всего ожидается маркирование данной семантики. Эти контексты выявлены в [27] на основе их кодирования в восьми языках, в том числе имеющих специализированные экспериентивные средства (китайский, японский, удмуртский)³. В 50 случаях в русском Синодальном переводе употреблены формы НСВ. Далее мы обсудим, как распределены в указанных контекстах перфективные и имперфективные глаголы в осетинском тексте, приводя соответствующие русские переводы интересующих нас клауз и в угловых скобках предшествующий или последующий контекст, необходимый для понимания примеров.

² Переводы выполнены по изданию «Нестле-Аланд», см. <https://ibt.org.ru/articles-10-04>, и доступны по ссылке <https://online-bibliya.ru/translations/translation/osetinskii-iron-vzag-32>

³ Использование текстов Нового Завета в сопоставительных исследованиях имеет ряд ограничений, см., например, [28], однако результаты исследований, отраженные в сборнике [29], показывают плодотворность такой методики для построения базы данных универсальных грамматических контекстов, позволяющих изучать маркирование разнообразных категорий в типологической перспективе.

Для обозначения действия, не предполагающего долгой процессной фазы, то есть достижения, в осетинском выбирается приставочный глагол. Так, *сбадын* ‘сесть’ употребляется в *адæймаг кæуыл нæма сбадт* ‘(и говорит им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла,) на которого никто из людей не **садился**; (отвязав его, приведите)’ [Мк. 11:2] и в параллельном контексте в [Лк. 19:30], ср. глагол НСВ *садиться* в русском переводе. Похожее соотношение стратегий в осетинском и русском переводах наблюдается в контекстах *æмæ дæ иу дзырды сæрты дæр нукуы ахызтæн* ‘(Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе) и никогда не **преступал** приказания твоего’ [Лк. 15:29] (с *ахизын* ‘перейти, переступить’) и *Уæларвмæ ничима ссыди уырдыгæй æрцæуæг Адæймаджы Фырты йеддæмæ* ‘Никто не **восходил** на небо, (как только шедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах)’ [Ин. 3:13] (с *ссæуын* ‘взойти’ от *цæуын* ‘идти’ с ассимиляцией первого согласного корня).

Глаголы, которые скорее можно отнести к классу свершений, в экспериентивных контекстах также представлены с приставкой, ср. *Æлгъаг æмæ чъизи цы у, æз ахæмгæй нукуы ницы бахордтон* ‘(Но Петр сказал: нет, Господи,) я никогда не **ел** ничего скверного или нечистого’ [Деян. 10:14] с глаголом *бахæрын* ‘поесть; вкусить’; *æндæр исчи кæй нæ сарæзтаид* ‘(Если бы Я не сотворил между ними дел,) каких никто другой не **делал**, (то не имели бы греха)’ [Ин. 15:24] с *саразын* ‘сделать; создать’. Интересный случай представляет группа из 10 почти полностью совпадающих контекстов с глаголом ‘читать’ (перечислены в [27, с. 370]). В древнегреческом тексте в них употреблена одна и та же аористная форма *ἀνέγνωτε*, в русском – форма глагола НСВ *читать*, в осетинском же в 7 случаях встречается приставочный глагол *бакæсын* ‘глянуть; прочитать’, а в 3 – бесприставочный *кæсын* ‘смотреть; читать’, ср. *уый тыххæй нæ кастыстут, æви?* ‘(Он же сказал им:) разве вы не **читали**, (что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним?)’ [Мф. 12:3]; *уый тыххæй нæ бакастыстут, æви?* ‘(Он сказал им в ответ:) не **читали** ли вы, (что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их?)’ [Мф. 19:4]. Отметим, что употребление перфективных глаголов-достижений и свершений в экспериентивных контекстах при возможности и имперфективных глаголов свершений (при отсутствии выражений, указывающих на достижение предела) находит параллели в славянских языках с аспектуальной системой «западного» типа [10, с. 117].

В отдельную группу могут быть выделены контексты с глаголами восприятия ('видеть', 'слышать'). Маркирование экспериентивной семантики в них поддерживается важностью апелляции к личному опыту при сообщении различных событий. Такие употребления, к примеру, в русском являются основными для глаголов *видать* и *слыхать* (встретившихся в Синодальном переводе в [Мк. 2:12] и [Деян. 19:2] соответственно), вместе с *бывать* и некоторыми другими глаголами составляющих группу сохранившихся глаголов с суффиксом вторичной имперфективации от основ НСВ [1, с. 126–128]; [6, с. 246–247]. В нашей выборке в 17 контекстах с глаголами восприятия в осетинском употребляются лексемы с приставкой: *фенын* 'увидеть' (*уынын* 'видеть') и *фехъусын* 'услышать' (*хъусын* 'слышать'), ср. *уæд Авраамы фæдтай?* '⟨На это сказали Ему Иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет, –⟩ и Ты **видел** Авраама?' [Ин. 8:57]; *Сымах та Йын Йæ хъæлæсдæр нукуы фехъуыстат, æмæ Йын Йæ цæсгом дæр нæ фæдтат*, '⟨И пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне.⟩ А вы ни гласа Его никогда не **слышали**, ни лица Его не **видели**' [Ин. 5:37]. В двух случаях используется конструкция, в которой лексический глагол, предшествуя фокусной частице *дæр*, принимает форму причастия-деепричастия на *-гæ*, а приставка *фæ-* присоединяется к финитному глаголу *кæнын* 'делать' (подробнее о ее свойствах см. [18, с. 98]; [19, с. 106–107, 220–223] и др.): *Сыгъдæг Уд ис æви нæ, уый тыххæй мах хъусгæ дæр нæ фæкодтам* '⟨сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему:⟩ мы **даже** и не **слышали**, есть ли Дух Святой' [Деян. 19:2] и *Уынгæ дæр АЙ фæкодтай* '⟨Иисус сказал ему:⟩ и **видел** ты Его, ⟨и Он говорит с тобою⟩' [Ин. 9:37]. В отличие от осетинского, контексты с глаголами восприятия в славянских языках маркируются бесприставочными глаголами, см. о русском [3, с. 33] и чешском [14, с. 35–36].

Перейдем к рассмотрению контекстов, в которых в осетинском переводе встретились бесприставочные глаголы. Во-первых, это две формы результатива, состоящие из причастия прошедшего времени *æвæрд* от *æвæрын* 'класть, ставить' и бытийного глагола, например, *æвæрд дзы ничи ма уыд* '⟨и, сняв его, обвил плащаницею и положил его в гробе, высеченном [в скале],⟩ где еще никто не **был положен**' [Лк. 23:53] (соответствующий [Ин. 19:41]). Формы причастия на *-т/д* в осетинском не образуются от приставочных глаголов, в отличие от славянских языков, см. [22, с. 66]. Во-вторых, только имперфективные глаголы возможны в хабитуальных контекстах с референцией к прошедшему (без частицы *у*) [18,

с. 101]; [22, с. 55], ср. *Сусæггæйта ницы дзырдтон* '⟨Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и⟩ тайно не **говорил** ничего' [Ин. 18:20]; *Мах хордтам æмæ нуæзтам Дæ разы* '⟨Тогда станете говорить:⟩ мы **ели** и **пили** пред Тобою, ⟨и на улицах наших учил Ты⟩' [Лк. 13:26]; *Нæ фыдæлтæ æдзæрæг бæстæйы маннæ хордтой* 'Отцы наши **ели** манну в пустыне, ⟨как написано: хлеб с неба дал им есть⟩' [Ин. 6:31] (также в [Ин. 6:49]), а также, вероятно, *Куы никæм ахуыр кодта, уæд Сыгъдæг Фыст куыд зоны?* '⟨И дивились Иудеи, говоря:⟩ как Он знает Писания, не **учившись?**' [Ин. 7: 15].

7 контекстов с бесприставочными глаголами содержат глагол *уæвын* 'быть' (из 12, не считая указанных выше 8 случаев, в которых приставочный глагол невозможен), ср. *Мах Авраамы байæддаг стæм æмæ цагъартæ нукуы никæмæн уыдыстæм* '⟨Ему отвечали:⟩ мы семья Авраамово и не **были** рабами никому никогда' [Ин. 8:33]. Экспериентивная семантика в данном случае поддерживается в испанском и современном английском переводах, рассмотренных в [27], употреблением перфекта, в китайском и в японском – с помощью специализированных форм. В некоторых контекстах бытийный глагол в осетинском используется в отступление от древнегреческого оригинала, которому следует Синодальный перевод, например, *сылгоймаггæй чи райгуырд, уыдонæй ничи уыд Аргъауæг Иоаннæй уæлдæр* '⟨Истинно говорю вам:⟩ из рожденных женами не **восставал** больший Иоанна Крестителя' [Мф. 11:11]; *Æлгъаг æмæ чъизи цы у, ахæмгæй мæ дзыхы нукуы ницы уыди* 'Я же сказал: нет, Господи, ничего скверного или нечистого никогда не **входило** в уста мои' [Деян. 11:8].

Из 5 других вхождений бесприставочных глаголов 3 содержат *кæсын* 'смотреть; читать' и были обсуждены выше. Оставшиеся включают глаголы речи *дзурын* 'говорить' и *курын* 'просить'. В контексте *Ацы Адæймаг куыд дзуры, афтæ нукуыма ничи дзырдта* '⟨Служители отвечали:⟩ никогда человек не **говорил** так, как Этот Человек' [Ин. 7:46] акцентируются характеристики процесса, что может определять выбор имперфективного глагола *дзурын*, а не его перфективного коррелята *зæггын* 'сказать'. Второй глагол встретился в *Æз куырдатон Дæ ахуыргæнинæгтæй, цæмгæй дæлмонны расурай* 'Я **просил** учеников Твоих изгнать его, ⟨и они не могли⟩' [Лк. 9:40]. Методика, примененная в [27], определяет данный контекст как маргинальный: по семантике он ближе не к экспериентивному, а к экзистенциальному, так как скорее не включает идею характеристики, сообщая, что событие имело место по крайней мере

раз. Интересно, что в сходном контексте *Дæ ахуырæгæнинæгтæн зæгътон, цæгмæй расурой дæлимоны* ‘Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, (и они не могли)’ [Мк. 9:18] употреблен *зæгъын* ‘сказать’ с перфективной основой, а не его коррелятом *дзурын* ‘говорить’.

Таким образом, нельзя сказать, что в осетинском языке экспериментивное значение кодируется определенной граммемой: из 59 контекстов выборки в переводе в 38 употреблены перфективные глаголы (приставочные или исходно перфективные, *зæгъын* ‘сказать’ и *раттын* ‘дать’), а в 20 — имперфективные (один контекст перестроен так, что не включает нужной глагольной лексемы), в отличие от русского Синодального перевода, в котором 50 контекстов содержат глагол НСВ. Выбор в осетинском зависит от акционального класса лексемы: в экспериментивных контекстах используются перфективные глаголы-достижения и свершения, хотя второй класс может быть представлен и имперфективными глаголами; деятельности и состояния же описываются имперфективным глаголом.

Данные наблюдения соотносятся с обобщениями о распределении видовых форм в экспериментивных контекстах в славянских языках «западной» аспектуальной группы, в которых характеристики обозначаемой ситуации (такие как наличие достижения предела) имеют больший вес, чем аспектуальная семантика контекста. Однако можно отметить и некоторые различия, например, предпочтение бесприставочных глаголов восприятия в славянских языках, в отличие от осетинского. Наблюдение о сходствах осетинского с «западными» славянскими высказываются на основе кодирования хабитуальных контекстов в [8, с. 108]. Как и экспериментивные, они являются «точкой конфликта» в славянских языках: в «восточной» группе хабитуальная семантика определяет использование глагола НСВ, в то время как в «западной» выбор скорее зависит от видового ракурса микроситуации [11, с. 64–73]; [10, с. 49–94]. В хабитуальных контекстах в осетинском возможны как имперфективные, так и перфективные формы, притом первые предполагают наложение хабитуальной семантики на прогрессивную интерпретацию, например, *чызг дуцы / *радуцы хъуг* ‘{Когда приходит мама, в этот момент} девочка доит корову’, а вторые — на перфективную, как в *чызг радуцы / *дуцы хъуг* ‘{Когда приходит мама, после этого} девочка доит корову’ (примеры адаптированы из [22, с. 55–56], см. также [18, с. 101]; [21, с. 258]). Такое распределение соответствует «западному» типу. Интересно,

что при референции к хабитуальным событиям в прошлом в осетинском (в отсутствие хабитуального показателя *иу*, см. о нем [19, с. 247–248]; [12]) допускаются только имперфективные глаголы, ср. *Чызг дыгъдта / *радыгъдта хъуг* ‘Девочка доила корову, {пока та была жива}’ [11, с. 55], что сближает осетинский уже с языками «восточного» типа, такими как русский.

Намеченные в статье сходства и расхождения требуют проверки, в том числе посредством сопоставления разных славянских переводов рассмотренных контекстов. Кроме того, желательным является уточнение выборки за счет учета большего количества языков со специализированными средствами выражения экспериментивной семантики, а также выделение контекстов, которые могли бы быть репрезентативными для других подтипов общефактического значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вострикова Н.В.* Типология средств выражения экспериментивного значения / Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 211 с.
2. *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 213 p.
3. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
4. *Славкова С.* Выражение общефактического значения в прошедшем и в будущем времени в русском и болгарском языках // *Biblioteca di Studi Slavistici*. 2015. Iss. 40. P. 121–137.
5. *Dickey S.M.* Outline of a comparative analysis of the imperfective general-factual in Slavic // *Die Welt der Slaven*. 2015. Iss. 56. P. 179–195.
6. *Гловинская М.Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник; Русские словари, 2001. 320 с.
7. *Маслов Ю.С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
8. *Аркадьев П.М.* Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. 352 с.
9. *Vendler Z.* Verbs and times // *The Philosophical Review*. 1957. Iss. 66(2). P. 143–160.
10. *Dickey S.M.* Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach. Stanford (CA): CSLI Publications, 2000. xii + 315 p.

11. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. 256 с.
12. Tommola H. On the perfect in North Slavic // *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2000. P. 441–478.
13. Kamphuis J. Macedonian aspect: East or West? // *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2014. Iss. 40. P. 127–154.
14. Gehrke B. Differences between Russian and Czech in the Use of Aspect in Narrative Discourse and Factual Contexts // *Languages*. 2022. Iss. 7(155). P. 1–48.
15. Klimek-Jankowska D. Variation in aspect usage in general-factual contexts: new quantitative data from Polish, Czech, and Russian // *Languages*. 2022. Iss. 7(146). P. 1–35.
16. Dickey S.M. Parameters of Slavic Aspect Reconsidered: The East-West Aspect Division from a Diachronic Perspective // *Studies in Accentology and Slavic Linguistics in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington (IN): Slavica Publisher, 2015. P. 29–45.
17. Аркадьев П.М., Шлуинский А.Б. Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика*. 2015. Вып. 3. С. 4–24.
18. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
19. Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис / Под ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969. 387 с.
20. Левитская А.А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // *Вопросы языкознания*. 2007. Вып. 5. С. 89–107.
21. Tomelleri V.S. Sulla categoria dell'aspetto verbale in Osseto // *Anatolistica, indoeuropeistica e oltre nelle memorie dei seminari offerti da Onofrio Carruba (anni 1997–2002) al Medesimo presentato*. Tomo I. Milano: Qu.A.S.A.R. S.R.L., 2011. P. 67–111.
22. Татевосов С.Г. Аспекты славянского стиля // *Вопросы языкознания*. 2019. Вып. 2. С. 47–81.
23. Левитская А.А. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // *Вопросы языкознания*. 2004. Вып. 1. С. 29–41.
24. Tomelleri V.S. Slavic-style aspect in the Caucasus // *Suvremena lingvistika*. 2010. Iss. 36(69). P. 65–97.
25. Левитская А.А. Результативная акциональность в глаголах терминативно-временных способов действия (ограниченность) в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским языком) // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2022. Вып. 7(862). С. 71–78.
26. Вострикова Н.В. Экспериментивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // *Вопросы языкознания*. 2009. Вып. 3. С. 19–31.
27. Кузнецова Ю.Н., Подгорная А.Д. К описанию релевантных контекстов для экспериментивности в Новом Завете // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023. Вып. 19(3). С. 357–391.
28. de Vries L. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // *STUF – Language Typology and Universals*. 2007. Iss. 60(2). P. 148–157.
29. Исследования по теории грамматики. Выпуск 9: Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус / Под ред. И.А. Хомченковой // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023. Вып. 19(3). 642 с.

REFERENCES

1. Vostrikova, N.V. *Tipologiya sredstv vyrazheniya znacheniya* [Typology of Means of Expression of Experiential Meaning]. Candidate dissertation. Moscow, 2010. 211 p. (In Russ.)
2. Dahl, Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 213 p.
3. Paducheva, E.V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkoi yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Studies: Semantics of Time and Aspect in Russian; Narrative Semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 1996. 480 p. (In Russ.)
4. Slavkova, S. *Vyrazhenie obshchefakticheskogo znacheniya v proshedshem i v budushchem v russkom i bolgarskom yazykakh* [The Use of General Factual Value in Russian and Bulgarian in Past and Future Tense]. *Biblioteca di Studi Slavistici*. 2015, Iss. 40, pp. 121–137. (In Russ.)
5. Dickey, S.M. Outline of a comparative analysis of the imperfective general-factual in Slavic. *Die Welt der Slaven*. 2015, Iss. 56, pp. 179–195.
6. Glovinskaya, M.Ya. *Mnogoznachnost i sinonimiya v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola* [Polysemy and Synonymy in the Tense and Aspect System of the Russian Verb]. Moscow: Azbukovnik Publ.; Russkie slovari Publ., 2001. 840 p. (In Russ.)
7. Maslov, Yu.S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works. Aspectology. General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2004. 840 p. (In Russ.)
8. Arkadiev, P.M. *Arealnaya tipologiya prefiksalnogo perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)* [Areal Typology of Prefixal Perfective (Data of European and Caucasian Languages)]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
9. Vendler, Z. Verbs and times. *The Philosophical Review*. 1957, Iss. 66(2), pp. 143–160.

10. Dickey, S.M. Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach. Stanford (CA): CSLI Publications, 2000. xii + 315 p.
11. Petrukhnina, E.V. *Aspektualnye kategorii glagola v rus-skoy yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, polskim i bolgarskim yazykami* [Aspectual Verbal Categories in Russian in Comparison with Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian]. Moscow: Moscow University Press, 2000. 256 p. (In Russ.)
12. Tommola, H. On the perfect in North Slavic. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2000, pp. 441–478.
13. Kamphuis, J. Macedonian aspect: East or West? *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2014, Iss. 40, pp. 127–154.
14. Gehrke, B. Differences between Russian and Czech in the Use of Aspect in Narrative Discourse and Factual Contexts. *Languages*. 2022, Iss. 7(155), pp. 1–48.
15. Klimek-Jankowska, D. Variation in aspect usage in general-factual contexts: new quantitative data from Polish, Czech, and Russian. *Languages*. 2022, Iss. 7(146), pp. 1–35.
16. Dickey, S.M. Parameters of Slavic aspect reconsidered: the East-West aspect division from a diachronic perspective. *Studies in Accentology and Slavic Linguistics in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington (IN): Slavica Publisher, 2015, pp. 29–45.
17. Arkadiev, P.M., Shluinsky, A.B. *Slovoklassifitsiruyushchie sistemy: opyt tipologii* [Verb-classifying Aspectual Systems: Towards a Typology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika* [Proceedings of the St. Petersburg University. Series 9. Philology, Oriental Studies, Journalistics]. 2015, Iss. 3, pp. 4–24. (In Russ.)
18. Abaev, V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammar Sketch of Ossetic]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1959. (In Russ. and Ossetic)
19. Akhvlediani, G.S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Ossetic Grammar]. Vol. 2: *Sintaksis* [Syntax]. Ordzhonikidze: Research Institute of the North Ossetian Council of Ministers Publ., 1963. 387 p. (In Russ. and Ossetic)
20. Levitskaya, A.A. *O vidovoi nesootnositelnosti v sovremenom osetinskom yazyke (vliyaniye universalnykh i idioetnicheskikh faktorov)* [On Aspect Incongruity in Contemporary Ossetic (Influence of Universal and Idioethnic Factors)]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2007, No. 5, pp. 89–107. (In Russ.)
21. Tomelleri, V.S. Sulla categoria dell'aspetto verbale in Osseto. *Anatolistica, indoeuropeistica e oltre nelle memorie dei seminarî offerti da Onofrio Carruba (anni 1997–2002) al Medesimo presentato*. Tomo I. Milano: Qu.A.S.A.R. S.R.L., 2011, pp. 67–111. (In Italian)
22. Tatevosov, S.G. *Aspekty slavyanskogo stilya* [Slavic-Style Aspects]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2019, No. 2, pp. 47–81. (In Russ.)
23. Levitskaya, A.A. *Aspektualnost v osetinskom yazyke: geneticheskie predposylki, arealnye svyazi, tipologicheskoe skhodstvo* [Aspectuality in Ossetic: Genetic Premises, Areal Connections, and Typological Likeness]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2004, No. 1, pp. 29–41. (In Russ.)
24. Tomelleri, V.S. Slavic-style aspect in the Caucasus. *Suvremena lingvistika*. 2010, Iss. 36(69), pp. 65–97.
25. Levitskaya, A.A. *Rezultativnaya aktsionalnost v glagolakh terminativno-vremennykh sposobov deistviya (ogranichitelnost) v sovremenom osetinskom yazyke (v sopostavlenii s russkim yazykom)* [Resultative Actuality in Verbs of Terminative-Temporal Aktionsarts (Limitation) in the Modern Ossetian Language (in Comparison with the Russian Language)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2022, Iss. 7(862), pp. 71–78. (In Russ.)
26. Vostrikova, N.V. *Eksperientivnye predlozheniya: grammatikalizatsiya diskursivnykh funktsii* [Experiential Sentences: on Grammaticalization of Discourse Functions]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2009, No. 3, pp. 19–31. (In Russ.)
27. Kuznetsova, Yu.N., Podgornaia, A.D. *K opisaniyu relevantnykh kontekstov dlya eksperientivnosti v Novom Zavete* [Towards a Description of Experiential Contexts in the New Testament]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023, Iss. 19(3), pp. 357–391. (In Russ.)
28. de Vries, L. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research. *STUF – Language Typology and Universals*. 2007, Iss. 60(2), pp. 148–157.
29. Khomchenkova, I.A. (Ed.) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in Grammar Theory]. Issue 9: *Parallelnyi korpus kak grammaticheskaya baza dannykh i Novyi Zavet kak parallelnyi korpus* [Parallel Corpus as a Grammar Database and the New Testament as a Parallel Corpus]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023, Iss. 19(3). 642 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 31 октября 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 ноября 2024 г.
 Статья принята к публикации: 18 ноября 2024 г.
 Дата публикации: 30 апреля 2025 г.

Received by Editor on October 31, 2024
 Revised on November 14, 2024
 Accepted on November 18, 2024
 Date of publication: April 30, 2025